

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Tatarov A. A. Кавказ как элемент антисоветской стратегии Японии накануне Второй мировой войны / А. А. Татаров // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 500—515. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-500-515.

Tatarov, A. A. (2026). Caucasus as an Element of Japan's Anti-Soviet Strategy on Eve of World War II. *Nauchnyi dialog*, 15 (2): 500-515. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-500-515. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Кавказ как элемент
антисоветской стратегии
Японии накануне
Второй мировой войны**

Татаров Азамат Амурович
orcid.org/0000-0003-3626-3913
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
traveller9090@mail.ru

Кабардино-Балкарский
государственный университет
им Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

**Caucasus as an Element
of Japan's Anti-Soviet
Strategy on Eve of World
War II**

Azamat A. Tatarov
orcid.org/0000-0003-3626-3913
PhD in History, Associate Professor,
Department of General History
traveller9090@mail.ru

Kabardino-Balkarian
State University
named after H. M. Berbekov
(Nalchik, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведена реконструкция кавказского направления японской внешней политики 1920—1930-х годов в контексте анализа антисоветской стратегии Токио. В качестве основного источника привлечены материалы Токийского процесса над военными преступниками. Методология сочетает историческую реконструкцию, сравнительно-геополитический подход и региональный анализ. Показано, что Япония создала разветвленные разведывательные сети на Ближнем Востоке и в Европе, вербовала агентов среди кавказской эмиграции и разрабатывала теоретические основы для подрывной деятельности, разжигания сепаратизма. Сообщается, что в 1937 году было заключено германо-японское соглашение о совместной поддержке антисоветских движений, в рамках которого Кавказ являлся зоной ответственности Японии. Автор приходит к выводу, что, несмотря на отдельные попытки реализации, масштабные планы по созданию «пятой колонны» на Кавказе не были реализованы из-за бдительности советских органов государственной безопасности, географической удаленности региона от Японии, начала войны с Китаем, неэффективного взаимодействия внутри блока «оси».

Ключевые слова:

Кавказ; Япония; подрывная деятельность; диверсионные операции; военные атташе внешняя политика Японии; СССР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study reconstructs Japanese foreign policy towards the Caucasus in the 1920s and 1930s within the broader context of Tokyo's anti-Soviet strategy. Drawing primarily from materials related to the Tokyo Trials for war crimes, this research employs a methodology that combines historical reconstruction with comparative geopolitical analysis and regional studies. It demonstrates how Japan established extensive intelligence networks across the Middle East and Europe, recruited agents among Caucasian émigrés, and developed theoretical foundations for subversive activities aimed at fostering separatist movements. A significant finding is the conclusion of a German-Japanese agreement in 1937 providing joint support for anti-Soviet forces, under which the Caucasus was designated as Japan's area of responsibility. Despite some efforts toward implementation, large-scale plans for creating a "fifth column" in the region ultimately failed due to vigilance by Soviet state security agencies, geographical distance between Japan and the Caucasus, Japan's involvement in the Sino-Japanese conflict, and ineffective collaboration within the Axis powers.

Key words:

Caucasus; Japan; subversive activity; covert operations; military attachés; Japanese foreign policy; USSR.

Кавказ как элемент антисоветской стратегии Японии накануне Второй мировой войны

© Татаров А. А., 2026

1. Введение = Introduction

В первой половине XX века Кавказ привлекал внимание западных держав как важный источник нефти, потенциальный плацдарм для диверсий и очаг антисоветского сепаратизма. Однако даже милитаристская Япония, несмотря на тысячи километров, отделявшие ее от региона, также проявила к нему интерес, сделав Кавказ одним из направлений своей антисоветской политики. С 1922 года, после окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке, и вплоть до начала Второй мировой войны японские стратеги разрабатывали планы по использованию кавказских народов в качестве «пятой колонны», а также готовили диверсионные проекты на случай мирного и военного времени.

В 1937 году Германия и Япония, союзники по блоку «оси», заключили соглашение о совместной поддержке антисоветских сил на национальных окраинах СССР. Однако если Германия активно вела подрывную деятельность на Кавказе вплоть до своего поражения, то для Токио пакт Молотова — Риббентропа (август 1939 года) ознаменовал переход к более сдержанной политике, что окончательно закрепил подписанный в апреле 1941 года пакт о нейтралитете с СССР. Тем не менее в предвоенные годы кавказское направление оставалось заметным элементом курса восточноазиатской державы в ожидании потенциального крупного конфликта с Советским Союзом.

Включение столь отдаленного региона в агрессивные планы Японии подчеркивает стратегическую важность Кавказа для СССР в 1920—1930-е годы и позволяет лучше понять предпосылки советско-японских отношений в период Великой Отечественной войны. Тема статьи не становилась предметом обособленного исследования, хоть и нашла отражение в работах отечественных авторов [Капистка, 2006а; Капистка, 2006б; Лота, 2008; Куртинец, 2011; Кириченко, 2016; Зорихин, 2020; Зорихин, 2023],

в которых рассматривается деятельность японской военной разведки против СССР в 1920—1930-х годах. Однако в них кавказское направление либо не выделяется в самостоятельное, либо упоминается фрагментарно, в то время как основной фокус смещен на Дальний Восток как ключевой объект стратегии Токио. Среди зарубежной историографии отметим труд Х. Куромия и Г. Мамулия [Kuromiya et al., 2009a], в котором значительное внимание уделено сотрудничеству кавказских эмигрантов с Японией в 1920—1930-е годы, направленному против Советского Союза.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основным методологическим подходом выступает историческая реконструкция кавказского направления японской антисоветской политики между мировыми войнами (преимущественно в 1930-е годы). Сочетаются анализ источников (судебные показания, директивы, записки, разведанные), сравнительно-геополитический подход (сопоставление японских стратегий с действиями Германии) и региональный анализ, позволяющий рассматривать Кавказ как объект различных международных стратегий. В статье будут освещены три аспекта: создание разведывательных ячеек, формирование тероретико-идеологической базы, попытки практической реализации.

Связь макро- и микроуровневой анализа раскрывается через рассмотрение как общих стратегических установок (Антикоминтерновский пакт, деятельность Абвера и 2-го отдела японского Генштаба), так и конкретных операций — активность военных атташе на Ближнем Востоке, контакты с кавказской эмиграцией, а также проекты по созданию «пятой колонны».

Источниками выступают в числе прочего материалы Токийского процесса 1946—1948 годов над военными преступниками, опубликованные на английском языке в 1981 году в США.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Предпосылки включения Кавказа в антисоветский контекст внешней политики Японии

После Первой мировой войны и геополитического ослабления России Япония превратилась во влиятельного участника политических процессов, разворачивавшихся вокруг вопроса о решении судьбы Османской империи, приобретя опыт отстаивания своих интересов в далеких региональных конфликтах. Примечательно, что она была одной из стран, признавших независимость недолго просуществовавшей меньшевистской Грузии (январь 1921 года). Как показало формирование Версальско-Вашингтонской системы, японское руководство изначально было готово поддерживать англо-американские интересы в Европе в расчете на компенсации

в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако уже в 1920-е годы стали проявляться масштабные имперские амбиции, на что указывало резкое увеличение инвестиций в разведывательную и диверсионную деятельность на Ближнем Востоке.

Хотя кавказский вопрос и не был единственным мотивом, он побуждал Японию координировать свои действия в Европе и на Ближнем Востоке. Важную роль в подпольной политике играли дипломатические представительства, открытые в Турции (1924), Иране (1929) и Афганистане (1931). Параллельно с официальными органами действовали специализированные полуавтономные шпионские центры. В частности, усилия М. Танака, возглавлявшего Институт повседневных биографических исследований Мэйдзи в Оараи, позволили к 1931 году создать разветвленные сети японского влияния, простиравшиеся от Австралии до Ирана [Bergamini, 1972, p. 453].

Параллельно укреплялись и экономические интересы Японии в западном направлении. Например, Румыния, будущий сателлит блока «оси», привлекала своими нефтяными ресурсами, а также как рынок для закупок и сбыта. В 1936 году в Бухаресте был открыт филиал компании «Мицуи Буссан», проработавший до 1944 года. Другой филиал этой же компании, действовавший в Иране, в конце 1930-х годов наладил прямые поставки персидского опиума из Дариана в оккупированный Китай. Вырученные средства шли на финансирование операций японской армии [The Tokyo War ..., 1981, vol. 3, p. 45, 51].

В деле тайного сбора информации и подготовки аналитических материалов ключевая роль отводилась посольствам и военным атташе. В условиях официальных ограничений поездок по СССР японская разведка велась через командировки по ближневосточным территориям, например поездку военного атташе в Турции М. Канда по Ираку, Сирии, Палестине и Египту в 1934 году. Из Токио поступала обратная связь. Так, в 1933 году военным атташе в СССР, Польше, Латвии, Турции, Германии и Франции была разослана директива от принца Котохито с требованием предоставить данные о положении кавказских, среднеазиатских и других народов СССР и оценить потенциал их сепаратизма [Кириченко, 2016, с. 63].

Другое направление этой работы было связано с целенаправленным разжиганием враждебности в государствах, граничивших с СССР. Военные атташе, аккредитованные в Турции и Иране, в своих донесениях убеждали армейское командование в стратегической важности вторжения этих стран на Кавказ в случае начала японо-советской войны [Севостьянов, 1961, с. 311].

На Дальнем Востоке у Японии появился дополнительный козырь. С 1931 года она контролировала Маньчжурию, где проживало значитель-

ное число русскоязычных эмигрантов и противников советской власти. Со временем местные мусульманские общины также стали объектом целенаправленного влияния в русле политики, характерной для держав «оси» с конца 1930-х годов, — мобилизации ислама против Британской империи и СССР. Дальневосточный Харбин (здесь в 1921 году проживало около 165 тыс. бывших подданных Российской империи [Мусульмане ..., 2020, с. 262]) превратился в центр вербовки и пропаганды, ориентированной на тюрко-татарские и кавказские диаспоры. В рамках официального курса эта политика была институционализована: в Харбине (1937 год) и Токио (1938 год) строились мечети, а также создавались специализированные структуры, такие как «Бюро по вопросам белой эмиграции» (1934 год).

Тем не менее географическая близость Маньчжурии к Японии нивелировалась ее удаленностью от национальных окраин европейской части СССР, где была сосредоточена его основная геополитическая мощь. В связи с этим поиск уязвимых мест сместился на западные и южные границы СССР и прилегающие территории, где Кавказ стал одним из приоритетных направлений.

Япония вела вербовку агентов, руководствуясь политическими, религиозными и национальными мотивами. В их число стремились включить сторонников Л. Троцкого, белоэмигрантов, а также антисоветски настроенных мусульман и представителей кавказских и среднеазиатских народов. Этой работой среди мусульман-эмигрантов, например, в 1931—1932 годы занимался военный атташе в Варшаве Х. Хата. В 1934 году военный атташе в Турции М. Канда подчеркивал важность привлечения к подрывной деятельности азербайджанцев, крымских татар и персов. По его оценкам, для вторжения на Кавказ можно было бы задействовать до тысячи человек в Иране и от одной до двух тысяч — в Турции [Kuromiya et al., 2009б, р. 658]. Подобные планы сохраняли актуальность на протяжении всего десятилетия. Согласно данным 2-го (разведывательного) бюро Генерального штаба Франции за август 1939 года, японский атташе в Иране, связанный с грузинскими эмигрантами, также занимался разведывательной деятельностью [Органы ..., 1995, с. 333].

На протяжении всего межвоенного периода поддерживались контакты с маньчжурской, ближневосточной и европейской ветвями кавказской эмиграции. С 1935 года долгосрочное планирование и финансирование были сосредоточены на одной из ключевых фигур горской эмиграции — Г. Баммате. Он обладал обширными связями в Европе и Турции, а также возглавлял редакцию журнала «Кавказ». К 1937 году этот журнал выходил на русском, грузинском, французском, английском и немецком языках. В августе 1938 года Г. Баммат принял участие во встрече в Турции, на которой при-

существовали японские военные атташе из Турции, СССР, Египта, Румынии, Сирии и Афганистана [Kurogiya et al., 2009a, p. 1429].

Интерес Японии к Ирану, также имевшему границу с Кавказом, был обусловлен в том числе этническим родством между советскими и иранскими азербайджанцами. Как отмечал М. Канда, персы предпринимали попытки наладить контакты с потенциальными противниками советской власти в Азербайджане. В 1933 году в Тегеране был открыт офис военного атташе, который возглавил М. Уэда (1933—1936 годы). Он поддерживал связь с М. Канда и, по некоторым данным, по его поручениям собирал разведывательные данные у персидских источников [Ibid., p. 1424].

К концу 1930-х годов внешнеполитический курс Японии стал все больше сближаться с интересами нацистской Германии. Ключевую роль связующего звена между Токио и Берлином выполнял военный атташе в Германии Х. Осима (с 1941 года — посол Японии в Германии). В ходе Токийского процесса расследование по его делу выявило несколько важных деталей этого сотрудничества. После заключения Антикоминтерновского пакта 1936 года представители командования немецкой и японской армий, а также дипломаты обеих сторон начали обсуждать возможности обмена разведывательными данными об СССР. Было принято решение активизировать работу с белоэмигрантскими кругами в Париже, Варшаве, Берлине и других городах. По запросу японского Генштаба Осима поднял этот вопрос в ходе переговоров с Кейтелем в декабре 1939 года. Кроме того, Х. Осима приобрел дом в Фалькензе, который был использован как база для печати пропагандистских листовок. Что касается непосредственно Берлина, то там с японской стороны сотрудничал информатор с позывным «Бамард», уроженец Кавказа. На него возлагалась задача проникнуть на территорию СССР с запрещенными печатными материалами [The Tokyo War ..., 1981, vol. 3, p. 341—342].

После назначения на пост военного атташе в Германии в марте 1934 года он получил от начальника Генерального штаба принца Котохито указание сосредоточиться на сборе информации об СССР. Именно эта задача стала одной из ключевых причин для установления контакта между Х. Осима и главой Абвера В. Канарисом. Результатом их последующих переговоров стало заключение 7 июля 1937 года соглашения о совместной разведывательной деятельности против СССР [Fox, 1982, p. 179, 220].

План действий был рассчитан на период с 1937 по 1941 годы. После одобрения соглашения в армейских кругах в октябре 1937 года к нему были приняты дополнительные пункты. В них предусматривалось, что Германия и Япония будут сотрудничать в мобилизации национальных меньшинств, ведении пропаганды, а также в подготовке повстанческих движений, тер-

рористических актов и диверсий на случай войны. Если полоса территорий от Финляндии до Болгарии считалась «вотчиной» германских спецслужб, то юго-западные пограничные районы СССР (со стороны Турции и Ирана) преимущественно отводились для деятельности японской разведки [Kuromiya et al., 2009a, p. 1427].

Однако это разграничение не было окончательным. Согласно показаниям Э. Штольце, полковника из управления Абвер-II, отвечавшего за проведение диверсий за рубежом, на практике европейско-азиатская граница СССР и Кавказ являлись зоной совместных операций Германии и Японии. При этом японская сторона сохраняла за собой право самостоятельно получать информацию от Г. Баммата [Мадер, 1985, с. 115].

Соглашение 1937 года предусматривало ряд совместных мер. В их число входили наблюдение за «прометеевским» движением в Польше, а также работа с кавказской эмиграцией в Турции, которая включала налаживание контактов с турецким Генеральным штабом (обозначавшимся в документах как «военные объекты») и создание близ советских границ сети секретных станций, замаскированных под торговые представительства. Специально подготовленные и экипированные группы из числа эмигрантов планировалось перебрасывать на территорию СССР.

Были разработаны поэтапные планы действий по регионам: на 1937 год — для Европы, на 1938 — для Турции и Ирана, а на 1939 — вновь для Турции. Параллельно велось наблюдение за «кавказскими операциями» Великобритании и Италии. Непосредственно кавказский план на 1939 год включал создание подпольных ячеек в ключевых городах — Баку, Грозном, Тбилиси, Владикавказе и Батуми, а также вдоль нефтетранспортных маршрутов. На 1940 год намечалось детальное изучение военных объектов для последующих воздушных ударов, организация импорта оружия для Турции и Ирана и всеобщая подготовка к восстанию на Кавказе. Наконец, план на 1941 год ставил задачей завершение всех военных приготовлений и формирование на территории Турции так называемой «кавказской армии» [Kuromiya et al., 2009a, p. 1427—1428].

3.2. Теоретические поиски и проекты Японии в отношении Кавказа

Теоретической основой антисоветского планирования Японии в 1920—1930-е годы служили разработки, поступавшие из нескольких организационных центров разведки и саботажа: в Европе (Польша, Германия), на Ближнем Востоке (Турция, Иран, Афганистан) и на Дальнем Востоке (Маньчжурия, город Харбин).

На рубеже 1920—1930-х годов японская справочно-аналитическая работа заметно активизировалась. В 1928 году М. Канда подготовил для

командования Квантунской армии отчет под названием «Материалы для военных операций против СССР». В нем предполагалось использование саботажа и пропаганды для того, чтобы «свергнуть коммунистическое правительство в Сибири и на Кавказе» [The Tokyo War ..., 1981, vol. 4, p. 100]. Параллельно с прямыми военными приготовлениями разрабатывалась и сложная программа подрывной деятельности против СССР, рассчитанная как на мирное, так и на военное время. М. Канда подчеркивал: «Дела, включенные в нашу подрывную деятельность против России, многочисленны, и их деятельность будет распространяться на весь мир» [The Tokyo War ..., 1981, vol. 20, p. 251].

Диверсионным проектам в Токио придавали не меньшее значение. На проходившей в апреле 1929 года в Берлине конференции обсуждались методы саботажа, которые планировалось применять в европейских государствах в условиях будущей войны с СССР. В рамках мероприятия также рассматривались вопросы привлечения белоэмигрантов и координации шпионской деятельности, которую японские атташе вели за пределами Советского Союза. Согласно показаниям подсудимых на Токийском процессе, в конференции участвовали военные атташе, аккредитованные в Великобритании, Германии, Франции, Польше, Австрии, Италии, Турции и СССР [Там же].

Эта конференция, организованная военным атташе в Берлине Ю. Омуро и бывшим главой 2-го (разведывательного) отдела Генерального штаба И. Мацуи, стала новой платформой для разработки антисоветских планов. Среди ее участников был военный атташе в Турции К. Хасимото, предложивший привлечь к разведывательной работе Л. Троцкого и шестьдесят его соратников, находившихся в Турции [The Tokyo War ..., 1981, vol. 18, p. 288].

До назначения военным атташе К. Хасимото обучался в военном колледже, где специализировался на истории российской революции 1917 года. После возвращения из Турции в 1930 году он возглавил «российское отделение» 2-го (разведывательного) отдела Генерального штаба. Подводя итоги своей карьеры, Хасимото впоследствии написал книгу «Путь к преобразованию мира» (1940 год), в которой обобщил свои профессиональные наблюдения за ближневосточным регионом [The Tokyo War ..., 1981, vol. 1, p. 622—623].

По итогам упомянутой берлинской конференции К. Хасимото подготовил доклад для заместителя начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Р. Окамото под названием «Положение на Кавказе и его стратегическое использование в целях диверсионной деятельности» (от 15 ноября 1929 года). В докладе, в частности, отмечалось: «Кавказский регион, раз-

нообразный по расе и религии, мало затронут русской цивилизацией, поскольку находится далеко от центра Советской России. Учитывая это, Кавказ, несомненно, является важным регионом с точки зрения борьбы против России. Однако из-за того, что различные расы в этом регионе враждебны друг другу и не могут сотрудничать в каких-либо действиях, мы не можем отрицать, что будет очень трудно объединить весь Кавказ для восстания против России, если только не силой военной оккупации». Исходя из этого анализа, Хасимото рекомендовал «побудить все расы на Кавказе противостоять друг другу и, следовательно, внести смятение в этот район». Таким образом, в документе четко прослеживаются замыслы японских милитаристов по захвату Кавказа «методами военной оккупации» — причем осуществить эти планы предполагалось совместно с другими странами, граничившими с СССР [The Tokyo War ..., 1981, vol. 4, p. 105].

К. Хасимото допускал, что Кавказ способен стать плацдармом для совместных антисоветских акций Японии и Великобритании, напоминая об опыте последней по удержанию контроля в Закавказье после революции 1917 года. Кроме того, он рассматривал возможность сотрудничества в сфере поощрения территориальных притязаний Турции и Персии на Кавказе, а также их влияния на местное мусульманское население [The Tokyo War ..., 1981, vol. 12, p. 237—238].

В то же время, по аналогии с А. Розенбергом, составителя ряда немецких заметок о Кавказе, автор доклада ранжировал кавказские народы по принципу их «полезности». Грузия и Армения рассматривались как регионы с развитым стремлением к независимости и влиятельной диаспорой за рубежом. Азербайджан К. Хасимото считал менее «динамичным» в культурном и политическом отношении и, следовательно, менее полезным для стратегических целей Японии. Северокавказские народы признавались малопригодными для политических задач в силу их этнической раздробленности и «низкого культурного развития», и их предполагалось использовать разве что в качестве партизан. Особый взгляд был связан с «великоармянским движением»: в случае включения Турции в антисоветский блок, его следовало избегать, и, напротив, использовать в качестве плацдарма для пропаганды, если советско-турецкие отношения становились бы излишне дружественными [Kurogiya et al., 2009a, p. 1421—1422; Кириченко, 2016, с. 60—61].

С начала 1930-х годов антисоветская направленность работы японских военных атташе усилилась как в крупных центрах эмиграции в Западной Европе, так и на приграничных с СССР территориях — в Прибалтике, Польше, Турции, Иране и Афганистане. Дополнительным шагом стало создание в 1933 году специальных разведывательно-подрывных органов

в Париже и Берлине, укомплектованных специалистами, знакомыми с советской спецификой. При этом парижское отделение было закрыто уже в 1934 году, тогда как берлинское продолжало действовать вплоть до 1940-х годов [Kuromiya et al., 2009a, p. 1423].

В марте 1931 года военный атташе в Москве Ю. Касахара направил в Генеральный штаб доклад, содержавший отдельную главу, посвященную диверсионной деятельности против СССР. В ней утверждалось, что сбор разведывательной информации не должен быть единственной задачей, и подчеркивалась необходимость учета стратегического положения при размещении разведывательных органов [The Tokyo War ..., 1981, vol. 16, p. 431].

В конце своего пребывания на посту военного атташе в Турции М. Канда подготовил два доклада (1934 год). В одном из них описывались результаты вербовочной кампании среди азербайджанцев, северокавказских горцев и крымских татар, которых предполагалось готовить для нелегального перехода советско-иранской и советско-турецкой границ. Наиболее перспективным признавалось использование азербайджанцев, учитывая их значительную численность в Северном Иране. Второй доклад был составлен по итогам поездки по ближневосточным территориям. Его автор солидаризировался с мнением Ю. Касахара, выразив точку зрения, что подготовка антисоветских акций должна выходить за рамки Европы и носить всеобъемлющий характер, с особым упором на мусульманские страны. Для этого предлагалось задействовать торговые представительства, офицеров под прикрытием и дипломатов. По оценкам М. Канда, для мобилизации воинственных мусульманских движений требовалось около 200 тысяч иен в год [Кириченко, 2016, с. 66—67].

Еще одной иллюстрацией стратегических замыслов японского командования может служить доклад М. Уэда 1935 года, в котором он отмечал: «Азербайджанские тюрки, в связи с географическим распределением единомышленников и родственных им племен, а также с точки зрения их национального характера, представляют максимальную ценность ... в диверсионных целях» [Там же, с. 65].

3.3. Практическая реализация: провал попыток диверсий и организации «пятой колонны»

Доступные нам сведения о конкретных действиях японцев остаются ограниченными, однако очевидно, что их стратегия во многом определялась финансовыми и географическими факторами. В этом контексте особой целевой категорией для них стали эмигранты в Маньчжурии, оказавшейся под японским контролем с 1931 года. Среди них было немало грузин, содержавших рестораны на станциях Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а также других выходцев с Кавказа. Как показывают на

основе грузинских архивов Х. Куромия и Г. Мамулия, в 1930-е годы советские органы госбезопасности выявили десятки завербованных агентов, переброшенных с Дальнего Востока в Грузию. При этом исследователи оговариваются, что «невозможно подтвердить, действительно ли эти лица шпионили в пользу Японии» [Kuromiya et al., 2009a, p. 1420—1421].

На территории Ингушетии в начале 1930-х годов также был вскрыт так называемый «штаб японского шпионажа», обвинявшийся в подготовке антисоветских выступлений. Однако, как отмечает, например, А. Авторханов, это дело, скорее всего, было сфабриковано [Авторханов, 1952, с. 31—33]. Несмотря на это, восприятие японской угрозы на Кавказе было вполне реальным фактором, определявшим активность советских органов государственной безопасности.

Японские спецслужбы демонстрировали способность к проведению трансграничных операций. В июле 1938 года трое грузин, перешедшие границу из Ирана с целью проникновения в Грузинскую ССР, были задержаны. В августе-сентябре того же года, на фоне военного конфликта у озера Хасан, другая группа из трех агентов успешно пересекла советскую границу со стороны Турции, достигла Батуми и, собрав разведывательные данные, вернулась обратно [Kuromiya et al., 2009a, p. 1429].

Одним из катализаторов этих событий стала конференция, прошедшая в Турции в августе 1938 года. На ней присутствовали японские военные атташе и дипломаты из ряда стран, включая СССР, Турцию, Египет, Румынию, Сирию и Афганистан. Приглашенный на встречу Г. Баммат стал свидетелем того, как под прикрытием экономической повестки мероприятие превратилось в площадку для обсуждения разведывательной и подрывной деятельности на Кавказе и в Средней Азии. Советская разведка, заранее осведомленная об истинных целях конференции, направила жалобу турецкому правительству. В результате 10 августа 1938 года Анкара вручила официальный протест японскому послу в Стамбуле. Несмотря на то, что Турция ранее не препятствовала антисоветским операциям, на этот раз, стремясь избежать осложнения отношений с СССР, она сочла политически целесообразным выслать из страны ряд видных эмигрантов, включая Г. Баммата, А. Кантемира и их сторонников [Ibid.].

В сентябре 1946 года на Токийском процессе был оглашен меморандум, подготовленный Г. Гиммлером в конце января 1939 года по итогам его встречи с военным атташе Японии в Берлине Хироси Осимой. В документе подтверждалось сотрудничество Осимы с «Абвером» в рамках проекта по «дезинтеграции России за счет Кавказа и Украины». Согласно меморандуму, Осима направил на Кавказ группу из десяти диверсантов, снабженных бомбами, с заданием ликвидировать И. В. Сталина, однако все они

были уничтожены советскими пограничниками при попытке пересечения границы. Кроме того, Г. Гиммлер сообщил, что пропагандистские листовки, производившиеся в домовладении Х. Осима в Фалькензе, доставлялись на советскую территорию из Польши с помощью надувных шаров, которые запускали при благоприятном направлении ветра. В заключение документа упоминалась еще одна неудачная операция — попытка доставки пропагандистских материалов на катерах через Черное море со стороны Румынии [The Tokyo War ..., 1981, vol. 3, p. 342—343].

Хотя различные факты говорят о том, в предвоенный период Япония рассматривала Кавказ как пространство для организации «пятой колонны» против СССР, ее агрессивные проекты не были реализованы в начале Второй мировой войны. С одной стороны, это может быть обусловлено нежеланием державы вступать в прямой конфликт с СССР и затратами на восточноазиатские дела — уже в 1937 году начинается война с Китаем. С другой стороны, существовали взаимная подозрительность в блоке «оси» и конкуренция за влияние на приграничных к Кавказу территориях, что снижало эффективность взаимодействия антисоветских держав и их проектов. Британская служба разведки на Ближнем Востоке (Security Intelligence Middle East, SIME), работавшая в Иране, установила, что даже на пике своей деятельности не только немецкие и итальянские, но и «японские разведывательные службы оказались не в состоянии получить какую-либо полезную информацию ..., несмотря на существование недовольных и сторонников “оси” среди местного населения» [O’Sullivan, 2015, p. 4].

4. Заключение = Conclusions

На основе представленного анализа можно сделать несколько выводов. В межвоенный период Япония целенаправленно и системно выстраивала разветвленную сеть для проведения разведывательной и подрывной деятельности против СССР, используя как официальные дипломатические каналы, так и полуавтономные структуры. Политика в отношении Кавказа реализовывалась на трех взаимосвязанных уровнях: формирование враждебной среды в сопредельных с СССР странах (Афганистане, Иране, Турции), разработка дезинтеграционных концепций и ведение целенаправленной антисоветской работы.

Этническая и религиозная пестрота Кавказа, подкреплённая наличием активной зарубежной диаспоры, сделала регион в глазах Токио перспективным плацдармом для подрыва стабильности СССР. В теории японская стратегия носила комплексный характер и включала вербовку агентуры, финансирование антисоветских изданий, проведение диверсионных операций, а также организацию восстаний.

Несмотря на масштабные замыслы и отдельные тактические успехи, амбициозные проекты Японии так и остались нереализованными. При этом вряд ли стоит считать пакт Молотова — Риббентропа 1939 года и последовавшее разочарование Токио единственным рубежом, после которого произошло свертывание «кавказских планов». Их эффективность ограничивалась рядом факторов: противодействием со стороны советских органов государственной безопасности, вовлеченностью Японии в затяжную войну в Китае, нежеланием вступать в прямой конфликт с СССР, а также внутренней конкуренцией между странами «оси», которая мешала координации. Большое расстояние до Кавказа требовало дополнительных затрат на организацию антисоветской деятельности в отдаленных странах Европы и Ближнего Востока. Таким образом, хотя угроза от Японии и воспринималась советским руководством как реальная, а активность ее антисоветской деятельности была высокой, практические результаты стратегии в контексте Кавказа оказались незначительными и не смогли оказать существенного влияния на стратегическую обстановку в регионе накануне и в ходе Второй мировой войны.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов* : в 5 т. — Москва : Книга и бизнес, 1995. — Т. 1. — Книга 1. — 464 с.
2. *The Tokyo War Crimes Trial. The Complete Transcripts* : In 22 Volumes / ed. by R. J. Pritchard, S. M. Zaide. — New York : Garland, 1981. — Vol. 1—22.

Литература

1. *Авторханов А. Г. Народоубийство в СССР: Убийство чеченского народа* / А. Г. Авторханов. — Мюнхен : Свободный Кавказ, 1952. — 69 с.
2. *Зорихин А. Г. «Японо-советская война... должна быть проведена как можно скорее»* : противоборство военной разведки Японии и советских спецслужб в 1922—1931 гг. / А. Г. Зорихин // *Военно-исторический журнал*. — 2020. — № 1 (717). — С. 47—56.
3. *Зорихин А. Г. Военная разведка Японии против СССР : противостояние спецслужб в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке, 1922—1945 гг.* / А. Г. Зорихин. — Москва : Центрполиграф, 2023. — 446 с. — ISBN 978-5-227-10476-2.
4. *Капистка В. В. «Раскрыта крупная шпионско-диверсионная организация японского генерального штаба»* : Особенности тайного противостояния советских и японских спецслужб на Дальнем Востоке в конце 1920-х — начале 1930-х гг. / В. В. Капистка // *Военно-исторический журнал*. — 2006а. — № 2 (550). — С. 21—27.
5. *Капистка В. В. Деятельность военной разведки Японии в Советском союзе в 1930-е годы* / В. В. Капистка // *Военно-исторический журнал*. — 2006б. — № 8. — С. 44—48.

6. Кириченко А. А. Японская разведка против СССР / А. А. Кириченко. — Москва : Вече, 2016. — 320 с. — ISBN 978-5-4444-1100-1.

7. Куртинец С. А. Разведывательная деятельность японских консульств на советском Дальнем Востоке (1922—1931) / С. А. Куртинец // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. — 2011. — № 1 (155). — С. 28—35.

8. Лота В. И. За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке, 1918—1945 гг. / В. И. Лота. — Москва : Кучково поле, 2008. — 656 с. — ISBN 978-5-901679-98-2.

9. Мадер Ю. Империализм : шпионаж в Европе вчера и сегодня / Ю. Мадер. — Москва : Политиздат, 1985. — 304 с.

10. Мусульмане на Дальнем Востоке : история и современность / А. С. Гарифуллин, Р. Н. Павлинова, Д. В. Руденков, А. Н. Старостин. — Казань : Духовное управление мусульман Дальнего Востока, 2020. — 656 с. — ISBN 978-5-6042963-5-6.

11. Севостьянов Г. Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны / Г. Н. Севостьянов. — Москва : Соцэкгиз, 1961. — 559 с.

12. Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy / D. Bergamini. — New York : Pocket Books, 1972. — 1364 p.

13. Fox J. P. Germany and the Far Eastern Crisis, 1931—1938 : A Study in Diplomacy and Ideology / J. P. Fox. — Oxford : Clarendon Press, 1982. — 445 p.

14. Kuromiya H. Anti-Russian and Anti-Soviet Subversion : The Caucasian-Japanese Nexus, 1904—1945 / H. Kuromiya, G. Mamoulia // Europe-Asia Studies. — 2009a. — № 61 (8). — Pp. 1415—1440.

15. Kuromiya H. The Great Terror : Polish-Japanese Connections / H. Kuromiya, A. Peplowski // Cahiers du monde russe. — 2009b. — № 50 (4). — Pp. 647—670.

16. O'Sullivan A. Espionage and Counterintelligence in Occupied Persia (Iran) : The Success of the Allied Secret Services, 1941—45 / A. O'Sullivan. — London : Palgrave Macmillan, 2015. — 271 p.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025,
одобрена после рецензирования 25.01.2026,
подготовлена к публикации 13.02.2026.

Material resources

Pritchard, R. J., Zaide, S. M. (ed.). (1981). *The Tokyo War Crimes Trial. The Complete Transcripts: In 22 Volumes, 16*. New York: Garland. Vol. 1-22.

The state security agencies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of documents: In 5 volumes, 1 (1). (1995). Moscow: Book and Business. 464 p. (In Russ.).

References

Avtorkhanov, A. G. (1952). *Narodkide in the USSR: The murder of the Chechen people*. Munich: Svobodny Kavkaz Publ. 69 p. (In Russ.).

Bergamini, D. (1972). *Japan's Imperial Conspiracy*. New York: Pocket Books. 1364 p.

Fox, J. P. (1982). *Germany and the Far Eastern Crisis, 1931—1938: A Study in Diplomacy and Ideology*. Oxford: Clarendon Press. 445 p.

Garifullin, A. S., Pavlina, R. N., Rudenkov, D. V., Starostin, A. N. (2020). *Muslims in the Far East: history and modernity*. Kazan: Spiritual Administration of Muslims of the Far East. 656 p. ISBN 978-5-6042963-5-6. (In Russ.).

- Kapistka, V. V. (2006a). “A large espionage and sabotage organization of the Japanese General Staff has been uncovered”: Features of the secret confrontation between Soviet and Japanese special services in the Far East in the late 1920s and early 1930s. *Military History Magazine*, 2 (550): 21—27. (In Russ.).
- Kapistka, V. V. (2006b). The activities of Japanese military intelligence in the Soviet Union in the 1930s. *Military Historical Journal*, 8: 44—48. (In Russ.).
- Kirichenko, A. A. (2016). *Japanese intelligence against the USSR*. Moscow: Veche. 320 p. ISBN 978-5-4444-1100-1. (In Russ.).
- Kuromiya, H., Mamoulia, G. (2009a). Anti-Russian and Anti-Soviet Subversion: The Caucasian-Japanese Nexus, 1904—1945. *Europe-Asia Studies*, 61 (8): 1415—1440.
- Kuromiya, H., Peřłoński, A. (2009b). The Great Terror: Polish-Japanese Connections. *Cahiers du monde russe*, 50 (4): 647—670.
- Kurtinets, S. A. (2011). Intelligence activities of Japanese consulates in the Soviet Far East (1922—1931). *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, 1 (155): 28—35. (In Russ.).
- Lota, V. I. (2008). *Beyond the limits of what is possible: Russian military intelligence in the Far East, 1918—1945*. Moscow: Kuchkovo Pole. 656 p. ISBN 978-5-901679-98-2. (In Russ.).
- Mader, Yu. (1985). *Imperialism: Espionage in Europe yesterday and today*. Moscow: Politizdat Publ. 304 p. (In Russ.).
- O’Sullivan, A. (2015). *Espionage and Counterintelligence in Occupied Persia (Iran): The Success of the Allied Secret Services, 1941—45*. London: Palgrave Macmillan. 271 p.
- Sevostyanov, G. N. (1961). *The policy of the great Powers in the Far East on the eve of the Second World War*. Moscow: Sotsekgiz. 559 p. (In Russ.).
- Zorikhin, A. G. (2020). “The Japanese-Soviet war... it should be carried out as soon as possible”: the confrontation between Japanese military intelligence and Soviet special services in 1922—1931. *Military History Magazine*, 1 (717): 47—56. (In Russ.).
- Zorikhin, A. G. (2023). *Military intelligence of Japan against the USSR: the confrontation of special services in Europe, the Near and Far East, 1922—1945*. Moscow: Tsentrpoligraf. 446 p. ISBN 978-5-227-10476-2. (In Russ.).

*The article was submitted 23.10.2025;
approved after reviewing 25.01.2026;
accepted for publication 13.02.2026.*